

ЕАЭС КАК ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ СОВРЕМЕННОГО ЕВРАЗИЙСТВА: ПРИНЦИПЫ, ОСОБЕННОСТИ, СЦЕНАРИИ

Аннотация

Статья посвящена анализу характеристик Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в качестве евразийского интеграционного проекта. Рассмотрены различные типы (модели) современных интеграционных процессов. Представлены основные положения, принципы и парадигмы современного евразийства. Проанализированы особенности, ключевые показатели и сценарии дальнейшего развития проекта современного евразийства в формате ЕАЭС. Показано, что, несмотря на ряд негативных факторов, неразработанность экономических и политических механизмов, ЕАЭС является перспективным геостратегическим проектом XXI в.

Ключевые слова: интеграционный проект, евразийский интеграционный проект, интеграционная модель, современное евразийство, Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Автор

Коровникова Наталья Александровна

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, доцент Московского института экономики, политики и права (МИЭПП) (Москва, Россия)

В контексте современных глобальных трансформаций практически все страны участвуют в международных и региональных *интеграционных проектах* (далее — ИП) различного формата (зона свободной торговли (далее — ЗСТ), таможенный союз, общий (единый) рынок, экономический союз, политический и валютный союз) [3. — С. 13–14]. Как показывает мировая практика, успешное функционирование подобных проектов требует применения инновационных форм финансового, материального и трудового обмена, скоординированной социально-экономической и внешней политики, а также согласованной позиции на геополитической арене государств-участников.

Однако реализация ИП приносит странам-инициаторам не только положительные (новые рынки, доступ к дешевой рабочей силе и энергоресурсам, усиление конкурентных преимуществ и

др.), но и отрицательные (возникновение конфликтов, отток капитала, монополистические/олигополистические сговоры и др.) экономические эффекты. [3. — С. 11, 18–19]. Особенности ИП и их результаты зависят от типа *интеграционной модели*, к которым относятся [11. — С. 104–106]:

- «*позитивная интеграция*»: а) «*линейная*» модель — классический интеграционный процесс, предполагающий наличие инновационных интеграционных механизмов, согласование политики в различных сферах жизнедеятельности, а также последовательное устранение экономических и культурных барьеров от ЗСТ до валютного, экономического и политического союза (Европейский союз); б) «*нелинейная*» модель — вариация концепции «открытого» регионализма, для которой характерно устранение не-

которых барьеров экономического взаимодействия и наличие элементов «позитивной» интеграции при отсутствии четкого планирования ИП, причем реализацию «позитивной интеграции» в данном случае обеспечивает деятельность не наднациональных, а межгосударственных и негосударственных механизмов (большинство современных соглашений об экономической интеграции или ЗСТ+, АСЕАН);

- «негативная интеграция»: а) «линейная» модель — разновидность ИП, в рамках которых заявлена формальная цель последовательного углубления интеграции (вплоть до создания единого рынка), но фактически интеграционные процессы сводятся к ликвидации лишь некоторых экономических барьеров без выработки согласованной экономической и внешней политики ввиду объективной неготовности к «позитивным» формам интеграции стран-участниц (африканские интеграционные объединения, большинство ИП в Латинской Америке); б) «нелинейная» модель — форма ИП, реализуемая в рамках классических соглашений о свободной торговле, а также соглашений о преференциальной торговле, предполагающая устранение определенных барьеров экономического взаимодействия без какого-либо согласования экономической политики (АТЭС, НАФТА).

В исследовательской среде до сих пор не сложилось единого мнения относительно особенностей ИП и типа интеграционной модели постсоветского евразийского пространства. Тем не менее наиболее значимым на сегодняшний день представляется геостратегический ИП — *Евразийский экономический союз* (далее — ЕАЭС), последовательная реализация которого позволит эффективно использовать цивилизационные ресурсы *современного евразийства* для плодотворного

развития евразийских «народов, государств, экономик, промышленности, сельского хозяйства, развития высоких технологий и т.д.» [13. — С. 91] в новых геополитических и геоэкономических условиях.

Перспективность ЕАЭС в качестве *проекта современного евразийства* или *евразийского интеграционного проекта* (далее — ЕИП [12]) объясняется богатым историческим наследием совместного развития стран-членов в досоветский и советский периоды, постсоветским опытом создания интеграционных блоков, например, СНГ, а также устойчивыми конкурентными преимуществами стран союза, в числе которых общий язык (русский), единая транспортная инфраструктура, глубокий уровень кооперации в производственной, социально-экономической, политико-культурной и научно-образовательной сферах [1]. ЕАЭС как открытый макроинтеграционный проект содержит концептуальное обоснование процессов реинтеграции исторически родственных народов, а также аккумулирует элементы «антиэксплуататорского» мировоззрения, славянофильской теории локальных цивилизаций, евразийской идеи [8. — С. 11–34] и аксиологических принципов общеевразийской идентичности (в их числе «единство в многообразии», целостность евразийской истории и географии, идея первичности духовно-мировоззренческого евразийского пространства [5. — С. 518.]).

Ввиду того, что ЕАЭС укрепляет общие геополитические позиции и обеспечивает совместное противостояние группы стран современного евразийского региона внешним угрозам и глобальным кризисам, его можно считать полноценным проектным воплощением *современного евразийства*, которое представляет собой результат «реинкарнации» классического евразийства, формирующего прочную теоретико-концептуальную основу со-

циально-экономического и политико-культурного развития постсоветского евразийского пространства [4]. В данном ракурсе современное евразийство базируется на следующих *положениях*: мультилинейность исторического процесса; отрицание универсальности, унифицированной общечеловеческой культуры; уникальность и самобытность евразийской цивилизации; предрасположенность евразийских народов к различным формам интеграции; синтез национальных идентичностей стран постсоветского евразийского пространства; «модернизация без вестернизации», «своя идеология, неважно чьи техника и технология» [4].

ЕИП ЕАЭС — это результат концептуализации нового «*академического неоевразийства*» [9], аккумулирующий элементы западного (нео)либерализма, «прагматического евразийства» ввиду прагматического подхода к интеграции современного евразийского пространства [6], а также культурные традиции «нового консерватизма» (в том числе православные ценности, историческое наследие, патриотические ориентации), который представляется некоторым отечественным исследователям (А.Г. Дугину, Н.Н. Моисееву, А.С. Панарину, В.Я. Пашенко, Б.С. Ерасову и др. [9]) наиболее перспективной интеграционной моделью совместного развития России с другими государствами постсоциалистического евразийского ареала.

Учитывая ценностно-агрегирующий характер современного евразийства, его основополагающие *принципы* включают как традиционные ориентиры классической евразийской концепции, так и новейшие тренды интеграционных процессов и моделей, а именно: соборность, духовность, коллективизм, антиевропоцентризм, традиционность, концепцию «симфонической личности», «цементирующую» роль государства, экономический прагматизм, добровольность, поликультурность,

полицентризм, политический суверенитет, международную правосубъектность, социальный и политический реализм [8. — С. 30–33].

Современное евразийство представляет собой многоаспектный культурный и социально-экономический феномен, который синтезирует *четыре парадигмы* постсоветской евразийской интеграции [6]: 1) «*скрепляющая интеграция*», инициированная группой государств, которые входили в состав единого государства (или колониальной империи) и поддерживают тесные взаимосвязи во всех сферах (англ.: holding-together integration); 2) «*кооперативная гегемония*», для которой характерна «мягкая» форма контроля со стороны доминирующего государства посредством соглашений о долгосрочном сотрудничестве (англ.: cooperative hegemony); 3) «*либеральный межправительственный подход*», который сформировался на базе межправительственной теории европейской интеграции (англ.: liberal intergovernmentalism); 4) «*геоэкономический детерминизм*», который обеспечивает полноценный доступ всех стран-членов ЕИП на международные рынки посредством снижения таможенных пошлин и формирования общего транспортного пространства (англ.: geo-economic determinism).

Согласно большинству официальных документов (в их числе Договор о Евразийском экономическом союзе, ряд Актов Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета, Евразийской экономической комиссии, Суда Евразийского экономического союза), ЕИП ЕАЭС представляет собой «очередной организационный этап» евразийской интеграции, который в первую очередь ориентирован «на создание межгосударственного интеграционного экономического объединения, члены которого будут стремиться обеспечить экономический

прогресс своих стран посредством совместных действий, направленных на решение стоящих перед ними задач хозяйственного развития, всесторонней модернизации производства и усиления конкурентоспособности национальных экономик на глобальном уровне» [12. — С. 9–10].

Тем не менее подобная трактовка редуцирует миссию ЕАЭС в качестве проекта современного евразийства до сугубо *экономических аспектов* и сводит цели ЕИП к развитию взаимодействия и интеграции исключительно в экономической сфере. Экономоцентрический подход не учитывает геостратегические и цивилизационно-культурные элементы евразийской интеграции на постсоветском пространстве, которая предполагает создание «большого Евразийского партнерства» [12. — С.11] и его институционализацию в формате ЕИП ЕАЭС, «созданного на основе универсальных интеграционных принципов и способного сыграть важную роль в деле гармонизации интеграционных процессов в Европейском и Евразийском регионах». В данном ракурсе проект современного евразийства может интерпретироваться как разновидность модернизированной концепции «хартленда», которая обосновывает геостратегическое значение «России как великой континентальной державы и ее ведущую роль... на евразийском континенте» [12. — С. 11].

На сегодняшний день ЕИП ЕАЭС представляет собой не только «мощный *геополитический, экономический, идеологический проект*», а приобретает статус *юридического лица* (международной организации региональной экономической интеграции), которое обладает *международной правосубъектностью* [10. — С. 157]. Его потенциал подкрепляется, во-первых, достаточно высокими показателями социально-экономического развития государств-членов ЕАЭС, в их числе численность населения, ВВП на душу населения,

объемы промышленной продукции по видам экономической деятельности, добыча угля и нефти, производство газа и электроэнергии за 2013–2017 гг. (за исключением значений, измеряемых в долларах США) [3. — С. 48–58]; во-вторых, положительной динамикой индикаторов конкурентоспособности членов союза (Индекс глобальной конкурентоспособности, Глобальный индекс инноваций, Индекс глобализации, Индекс человеческого развития), которая свидетельствует об их способности и возможностях самостоятельного политического и экономического функционирования в условиях международной конкуренции [1. — С. 17].

Действительно, развитие ЕИП ЕАЭС приносит значительные *макроэкономические выгоды* государствам-участникам, а именно: стабильное увеличение ВВП (совокупный макроэкономический эффект от устранения всех нетарифных препятствий может составить порядка 1,5% ВВП союза) [8. — С. 183]; выравнивание уровней социально-экономического развития; стимулирование и поддержание «здоровой» конкуренции в общем пространстве ЕАЭС; рост средней заработной платы и увеличение благосостояния всех народов ЕАЭС; интенсификация инвестиционного взаимодействия и повышение инвестиционной привлекательности членов союза. В то же время результаты ЕИП зависят от скорейшей реализации таких мер, как создание системы взаимных приоритетов и стимулов; унификация законодательства; стимулирование различных направлений кооперации — инвестиционного, промышленного, научно-технологического и др.; формирование общего подхода к развитию и обеспечению качества кадрового потенциала путем введения единых требований к компетенциям выпускников и унификации условий трудовой миграции для граждан стран — участников ЕАЭС [7. — С. 59–76].

Однако некоторые эксперты на данный момент относят ЕИП ЕАЭС к *«линей-*

ной» модели «негативной интеграции» [11. — С. 105], поскольку его развитие тормозит целый ряд *негативных факторов*:

- *социально-экономических*: сокращение объемов внешней взаимной торговли стран ЕАЭС ввиду однотипной структуры экспорта, экономического кризиса, падения цен на нефть и газ, снижения темпов роста мировой экономики; преобладание краткосрочных инвестиций в добывающие и сырьевые отрасли и инфраструктуру; стратегия импортозамещения, направленная преимущественно на внутренние национальные рынки; [7. — С. 114–116]; топливно-сырьевая специализация экономик [8. — С. 91]; высокий уровень инфляции, долларизация экономик, несогласованные режимы монетарной политики, высокая волатильность взаимных обменных курсов государств-членов [3. — С. 59–60]; высокая экономическая, социальная и институциональная дивергенция участников при экономическом доминировании России [8. — С. 91];
- *политических*: бюрократизация экономических преобразований; деструктивные установки (религиозный экстремизм и терроризм) и угроза самодостаточности государств-участников; отсутствие общей антисанкционной политики, реэкспорт в Россию запрещенных товаров [8. — С. 314, 215]; влияние внешней мировой политической среды, в том числе политический конфликт в Украине, новый вектор внешней политики США и стран Евросоюза [7. — С. 114–116];
- *правовых* (для партнеров ЕИП ЕАЭС): а) *ограничения* — доступа иностранных юридических лиц к различным субсидиям и видам господдержки; на деятельность иностранных юридических лиц в секторах, имеющих стратегическое значение (например, в сфере пользования недрами и при-

родными ресурсами); для иностранных юридических и физических лиц на владение СМИ и участие в их деятельности; б) *запреты* — на лицензируемую деятельность иностранных лиц; на частное владение иностранными инвесторами земельными участками различного назначения (в том числе сельскохозяйственными, лесными, приграничными землями); иностранным юридическим лицам — определенных видов деятельности, в частности, связанной с оборотом наркотических (психотропных) веществ, а также в сфере ядерной энергетики [11. — С. 108].

В то же время, по оценкам отечественных специалистов, ЕИП ЕАЭС обладает достаточным потенциалом не только для того, чтобы преодолеть вышеперечисленные препятствия, но и в ближайшем будущем существенно расширить сферу своего влияния, поскольку интерес к сотрудничеству с ЕАЭС уже проявляют около 50 стран Европы, Азии и Латинской Америки [8. — С. 283]. К числу *достижений* ЕИП ЕАЭС, которые имеют геоэкономическое и геополитическое значение для успешности и конкурентоспособности его участников в мировом пространстве, относят: а) развитие *агропромышленного комплекса (АПК) ЕАЭС*, в котором сложились позитивные тренды самообеспечения и увеличения объемов экспорта агропродовольственной продукции на зарубежные рынки (в частности, ведутся переговоры по заключению соглашений о зонах свободной торговли ЕАЭС с Индией, Ираном, Египтом и Израилем [8. — С. 236]); б) становление *общего рынка электрической энергии*, которое требует своевременного проведения таких мероприятий, как создание соответствующего наднационального органа, формирование правил функционирования с учетом отраслевой специфики, гармонизация национальных законодательств, урегулирование общих технических регла-

ментов, анализ состояния различных объектов отрасли и формирование концепции повышения ее технологической устойчивости [3. — С. 119–120]; в) выработка взаимовыгодной модели *общего рынка газа* стран ЕАЭС, соответствующей «инновационному сценарию» развития газовой отрасли [2. — С. 193–194], который, несмотря на определенные экономические и политические риски, принесет ощутимые выгоды всем участникам, в их числе рост инвестиционной привлекательности проектов в газовой отрасли; увеличение потребления и спроса на природный газ; возможность формирования нового спроса в таких сферах, как газохимия, GTL (газ в жидкость); унификация технических процедур и устранение административных барьеров между национальными газовыми рынками и т.п. [2. — С. 212–213]; г) открытие *новых видов общих рынков*, в том числе лекарственных препаратов, медицинских изделий и финансовых услуг, которые предположительно начнут функционировать в период с 2019 по 2025 г. [7. — С. 81–85].

Несмотря на очевидные позитивные тенденции современной евразийской интеграции в формате ЕАЭС, неразработанность социально-экономических механизмов и неоднозначность некоторых политико-правовых положений и принципов объясняют неопределенность суждений в экспертной среде относительно будущего развития ЕАЭС, которое может пойти по *трем сценариям*: 1) *дальнейшее укрепление и интенсификация интеграционных процессов* при повышении конкурентоспособности государств-участников; 2) *«транзитно-сырьевой мост»*, который предполагает максимально возможное использование географического положения и сырьевой базы членов союза; 3) реализация проекта современного евразийства каждым участником ЕИП на *базе собственных*

традиционных источников роста при сохранении инфраструктурных ограничений [1. — С. 222].

Перспективы первого сценария зависят от результатов своевременного согласования общей эконмической, социальной и международной политики; создания единого механизма рыночного регулирования; повышения уровня конкурентоспособности и успешности во всех сферах жизнедеятельности; развития регионального и международного сотрудничества с другими странами, регионами и международными альянсами; научной разработки и всесторонней практической реализации принципов социально-политического реализма с помощью методов «проектологии», которые позволят России в качестве геополитического центра Евразии стать одним из «стержней новой архитектуры мира» [8. — С. 341]. Реализация первого сценария предполагает переход к «позитивной» модели интеграции на базе использования обширного арсенала наднациональных, межгосударственных и негосударственных интеграционных механизмов, учитывающих общий контекст политико-экономического взаимодействия всех участников ЕИП ЕАЭС с другими государствами евразийского пространства [11. — С. 110].

Таким образом, «позитивные» формы и методы геостратегической евразийской интеграции позволят странам-инициаторам союза защитить культурно-историческую уникальность евразийской цивилизации, противостоять политическим и культурным экспансиям со стороны других акторов современного мирового пространства, сохранив стабильность мирового цивилизационного баланса, а также гарантируют успешную реализацию ЕИП ЕАЭС в качестве одного из наиболее влиятельных геополитических и геоэкономических альянсов на мировой арене XXI в.

Литература

1. *Абрамов В.Л., Алексеев П.В., Котова Н.Е., Лапенкова Н.В., Лосев А.А., Перская В.В., Ткаченко А.А., Эскиндаров М.А.* Формирование устойчивых конкурентных преимуществ государств — участников Евразийского экономического союза в условиях нестабильности мировой экономики. — М.: Научные технологии, 2018. — 254 с.
2. *Андропова И.В., Колбикова Е.С.* Общий рынок газа ЕАЭС: подходы к формированию и интересы России. — М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. — 248 с.
3. *Гибадуллин А.А., Пуляева В.Н., Ерыгин Ю.В.* Концептуальные направления устойчивого развития Евразийского экономического союза. — М.: Государственный университет управления, 2018. — 159 с.
4. Концепция евразийства — современный потенциал // Инициативные научные проекты. — М.: Высшая школа современных социальных наук, МГУ. URL: <http://vshssn.msu.ru/проект-3-концепция-евразийства-сов/> (дата обращения: 28.07.2019).
5. *Коровникова Н.А.* Большая Евразия: аксиологические основания // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. — М., 2018. — С. 517–520.
6. *Кофнер Ю.Ю.* Теория современной евразийской интеграции: II. Прагматическое евразийство: четыре подхода, чтобы лучше понять ЕАЭС // Евразийские исследования. Аналитический портал. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/11144> (дата обращения: 28.07.2019).
7. *Мельников А.Б., Фалина Н.В.* Проблемы и перспективы развития экономического сотрудничества стран — участниц Евразийского экономического союза. — Краснодар: Эпомен, 2018. — 129 с.
8. *Осипов Г.В., Осадчая Г.И., Андреев Э.М., Юдина Т.Н., Вартанова М.Л., Киреев Е.Ю., Дробот Е.В., Селезнёв И.А., Выборнов Д.М.* Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение. — М.: ИД «БИБЛИО-ГЛОБУС», 2018. — 374 с.
9. *Пархоменко Р.Н.* Евразийство в современной российской социально-философской мысли: реинкарнация одного понятия // Философская мысль. — 2016. — № 3. — С. 33–45. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16491 (дата обращения: 28.07.2019).
10. *Саблина Ю.В.* Евразийский союз: инструменты управления и интеграции // Управленческое консультирование. — 2018. — № 12. — С. 154–160. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskiy-soyuz-instrumenty-upravleniya-i-integratsii> (дата обращения: 28.07.2019).
11. *Ушкалова Д.И.* Интеграционные модели Евразийского экономического союза и зоны свободной торговли СНГ в контексте мирового опыта // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2017. — № 6. — С. 100–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsionnye-modeli-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-i-zony-svobodnoy-torgovli-sng-v-kontekste-mirovogo-opyta> (дата обращения: 28.07.2019).
12. *Чуфрин Г.И.* Евразийский интеграционный проект и стратегические интересы России // Россия и новые государства Евразии. — 2017. — № 1. — С. 9–20. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2017_01/7.Evraziyskiy_Chuftrin.pdf (дата обращения: 28.07.2019).
13. *Яшкова Т.А.* Становление и развитие современного евразийского пространства // Коммуникология. — 2018. — Т. 6. — № 2. — С. 85–93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-sovremennogo-evraziyskogo-prostranstva> (дата обращения: 28.07.2019).